

И. М. Дьяконов, В. А. Якобсон

«НОМОВЫЕ ГОСУДАРСТВА»,
«ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЦАРСТВА»,
«ПОЛИСЫ» И «ИМПЕРИИ».
ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

Если на поздней ступени развития первобытного строя иногда создаются обширные племенные объединения (союзы племен, конфедерации), то первые государства всегда и всюду образуются в не-большом объеме, а именно, в объеме одной территориальной общины или — чаще — нескольких, тесно связанных между собой общин. Такое государство, чтобы быть устойчивым, должно было по возможности иметь некоторые естественные границы: горы, окаймляющие долину, море, окружающее остров или полуостров, пустыню, окружающую орошенное одним магистральным каналом пространство, и т. п. Такой четко различимый район сложения государственности мы будем условно называть н о м о м. Он обычно имел центр в виде храма главного божества данного нома; вокруг селилась администрация, сооружались продовольственные и материальные склады, склады оружия; тут же были сосредоточены важнейшие мастерские ремесленников — все это для безопасности обносило стеной. — и образовывался г о р о д как центр маленького первичного государства. Так как процесс образования городов хронологически более или менее совпадает с возникновением классового общества и государства, то в западной науке момент перехода от первобытнообщинного строя к классовому нередко именуют «городской революцией». Термин этот неприемлем, так как основан лишь на признаке развития ремесленно-промышленных центров и не отмечает самого главного, что отличает последний этап первобытного общества (варварство) от цивилизации — расслоение общества на антагонистические классы. Именно это дает ключ к пониманию как дальнейшей истории древнего общества, так и сущности города. Известно, что этот вопрос до сих пор остается дискуссионным, а общепринятого определения города пока нет. Мы исходим из того, что город является пунктом, в котором осуществляется сосредоточение, перераспределение и реализация прибавочного продукта (определение предложено О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном). Все остальные функции города (торгово-ремесленная, культурная, политическая) — производные от названной выше.

Классовое расслоение общества впервые в мире произошло в Египте и Шумере. Этот процесс имел здесь свои особенности, которые определили всю дальнейшую историю египетской и шумерской цивилизаций — их специфические пути развития в пределах одного и того же древнего, рабовладельческого, способа производства. Первый из различных путей развития рабовладельческого общества на его ранних этапах относи-

тельно хорошо изучен на материале Шумера. В экономическом отношении общество Шумера разделялось на два сектора: в один входили крупные хозяйства, которыми владели храмы и верхушка должностных лиц нарождающегося государства: эти хозяйства в течение первых столетий письменной истории вышли из ведения общинных органов самоуправления. В другой же сектор входили земли, свободное население которых участвовало в органах самоуправления; этими землями владели, в пределах территориальных общин, домашние большесемейные общины во главе со своими патриархами. В третьем-четвертом поколении домашняя община обыкновенно делилась, но разделившиеся общины продолжали считаться родством, могли иметь общий культ предков, обычаи взаимопомощи и т. п.

В дальнейшем хозяйства первого сектора стали собственностью государства, хозяйства же второго сектора остались в номинальной верховной собственности территориальных общин и во владении глав семей; практически владения последних отличались от полной собственности только тем, что пользоваться и распоряжаться землей в своих интересах и по своей воле могли только члены территориальных общин.

Люди, расселенные на землях, ставших впоследствии государственным сектором, могли только условно владеть землей — она выдавалась им для пропитания и как плата за службу или работу на храм или на вождя-правителя и т. п.; при этом земля выдавалась за службу или работу индивидуально, на малую, а не на большую семью, т. е. сыновья и внуки несли свою такую же службу отдельно и снабжались земельными наделами отдельно от своих отцов и дедов. У каждого из них земля могла быть отобрана или заменена на другую по усмотрению администрации. Многие работники государственного сектора земли вообще не получали, а получали только паек. Однако и среди государственных людей были состоятельные по тем временам люди, пользовавшиеся чужим трудом и имевшие рабынь и рабов. Такие люди, как правило, были или могли быть одновременно и собственниками общинных земель, в силу чего принадлежали к сословию полноправных граждан. Это — чиновники, верхушка воинов, квалифицированные ремесленники. Эти люди могли также пользоваться частью продукта, созданного землевладельческими работниками персонала храмового или правительского хозяйства.

Таким был на ранней ступени рабовладельческого общества его первый путь развития, характеризующийся сосуществованием двух экономических секторов — государственного и общинно-частного при преобладании первого. Этот путь развития был характерен для нижней долины Евфрата и для долин рек Каруна и Керхе (древний Элам).

Вторым путем развития раннерабовладельческого общества можно считать тот, который сложился в долине Нила — Египте. К сожалению, ранние хозяйственные и правовые документы из Египта крайне малочисленны, и многое нам неясно.

Если Шумер пересечен отдельными самостоятельными руслами Евфрата, от которых можно было отводить многочисленные независимые магистральные каналы, и тут не только создавались мелкие «номовые» государства, но они долго сохранялись и после кратковременных объединений вновь возрождались, то весь Верхний Египет вытянут узкой лентой вдоль единой водной магистрали — Нила; лишь в Нижнем Египте Нил расходится веером русел — дельтой. По-видимому, из-за того, что номы Верхнего Египта примыкали цепочкой друг к другу, стиснутые между Нилом и пустыней, политические группировки, — которые давали бы возможность, используя многостороннюю борьбу и соперничество соседей, обеспечивать отдельным номам с их самоуправлением достаточную независимость, — здесь были неосуществимы; столкновения между номами неизбежно рано приводили к их объединению «по цепочке» под властью сильнейшего, а то и к полному уничтожению строп-

тивного соседа. Поэтому уже в самую раннюю эпоху в Верхнем Египте появляются единые цари с признаками деспотической власти над отдельными номами и всей страной, которые позже завоевывают и Нижний Египет. И хотя, по всей вероятности, в Египте раннего периода тоже существовали параллельно государственный сектор (храмовые и царские, может быть, также и вельможные «дома») и общинно-частный сектор, но в дальнейшем, как кажется, общинно-частный сектор был без остатка поглощен государственным; по крайней мере египтологи не могут на основании наличного у них в настоящее время материала для эпохи от 2000 г. до н. э. и позже обнаружить ясные свидетельства существования общины свободных и полноправных граждан, административно независимых от государственных хозяйств. Это не мешает тому, что и в пределах государственного сектора здесь возникают отдельные хозяйства, экономически автономные, а царские работники объединяются в своего рода «вторичные» общины.

Все это, однако, не создает принципиального различия между обществом Египта и Нижней Месопотамии. Как тут, так и там непосредственное ведение огромных рабовладельческих хозяйств царской властью в конце концов оказывается нерентабельным, с той разницей, что в Египте развитие частных рабовладельческих хозяйств происходит на формально государственной земле, и эти частные хозяйства черпают рабочую силу (илотскую) из государственных фондов, помимо того, что они имеют и собственных рабов. Работники были обязаны выполнять определенный урок на хозяйство, которому они были подчинены; произведенное сверх урока могло идти в их пользу с правом распоряжаться этой долей продукта. Однако и это их имущество следует рассматривать не как их собственность, а как условное владение (пекулий); как известно, патриархально-зависимые лица, не исключая и классических рабов, тоже могли распоряжаться своим пекулем, а рабы могли даже копить средства на свой выкуп у хозяина, чего древние илоты делать не могли. Таким образом, речь идет об одном и том же эксплуатируемом классе, лишенном собственности на средства производства. Он эксплуатируется внеэкономически, т. е. не через рынок.

Третий путь развития раннего рабовладельческого общества. На землях, не обладавших богатой урожайностью наносного ила великих речных долин, классовое общество складывается по общим для этого явления законам, — тем же, какие были характерны и для развития обществ речной ирригации. Но, во-первых, для достижения того более высокого технологического уровня, при котором и здесь в сельском хозяйстве стал возможен прибавочный продукт, на таких землях понадобилось значительно больше времени. При этом наряду с освоением зерновых культур здесь обычно играли роль и другие факторы: так, специализированное скотоводство, культура винограда, оливок, добыча металлов позволяли через обмен принять участие в извлечении прибавочного продукта в собственно земледельческих странах. Во-вторых, здесь не было необходимости в создании и поддержании трудоемких и обширных ирригационно-мелиоративных систем. Соответственно, здесь храмы и вождь-жрец играли несравненно меньшую роль, и общинно-частный сектор был гораздо важнее государственного. Правда, из-за того, что эти общества достигали уровня классового общества и цивилизации позже, Египет и Нижняя Месопотамия успели оказать на них могучее культурное влияние, направленное, между прочим, как раз на усиление авторитета храмов и царской власти. Поэтому раннерабовладельческие общества третьего пути развития дают разнообразную картину соотношений между государственным и общинно-частным секторами: где сильнее один, а где — другой. Здешные «державы» (Ахейская, Хеттская, Митаннийская, Средне-ассирийская, Египетская «империя» в Сирии времени Нового царства) имели скорее характер военных союзов, в которых более слабые городские

или «номовые» государства обязаны были данью и военной помощью более сильному, центральному государству. К третьему пути развития ранне-рабовладельческого общества относились все общества Малой и Передней Азии III и главным образом II тыс. до н. э. (за исключением Нижней Месопотамии и равнины Керхе и Каруна), а также общества вокруг Эгейского моря в Восточном Средиземноморье. В начале I тыс. до н. э. к тому же типу, видимо, еще принадлежали различные общества переднеазиатских и малоазиатских нагорий, Греции и возможно, Италии (Этрурия?).

В I тыс. до н. э. этот путь развития, как мы увидим ниже, разделяется на два резко различных варианта, главным образом в связи с уровнем развития товарно-денежного хозяйства и международного обмена. Один из вариантов развивается в особый, а н т и ч н ы й п у т ь р а з в и т и я; здесь возникает особый вид общинно-частного экономического сектора — ц о л и с н а я с о б с т в е н н о с т ь и э к о н о м и к а, в то время как государственный сектор отходит надолго на задний план. Так было в Греции, Италии. Однако об этом мы скажем ниже подробнее. В огромном большинстве остальных стран общинно-частный сектор сохраняется только в городах, а почти все сельское население оказывается в результате завоеваний в пределах царского земельного фонда. Это полностью меняет весь характер экономики большинства стран Азии и отчасти Африки. Но все это уже относится к позднейшим периодам развития рабовладельческого общества.

Действительный перечень различных путей развития древних рабовладельческих обществ, возможно, не ограничивается перечисленными тремя или четырьмя. Так, на полуострове Индостан в I тыс. до н. э. возникает, видимо, особый путь развития, характеризующийся несколько иной и более жесткой сословной системой, чем при первом, втором и третьем путях развития; не вполне ясно, как следует характеризовать путь развития Китая.

Во всемирном масштабе эпохой господства ранне-рабовладельческих отношений (в пределах круга классовых обществ) являются III и II тыс. до н. э.: об обществах же Индии и Китая в эту эпоху мы знаем еще недостаточно для того, чтобы дать их характеристику с точки зрения их исторических путей развития на столь раннем этапе. Поэтому при современном уровне наших знаний мы можем считать ранний период древнего общества периодом господства первого, второго и третьего путей развития рабовладения.

Период древности

Возникновение цивилизаций было связано с резким скачком в развитии производительных сил: производство достигло такого уровня, когда стал создаваться прибавочный продукт, необходимый для содержания и обслуживания господствующего класса, а также и всей соответствующей надстройки общества, т. е. его государственной организации и культурных установлений. Однажды возникнув, эти надстроечные институты стремятся к расширению и развитию, для чего необходимо все большее количество прибавочного продукта. Однако внутри каждого отдельного общества рост прибавочного продукта после первых блестящих успехов цивилизации сильно замедляется или даже останавливается. Происходит это потому, что производительность труда прежде всего в важнейшей отрасли экономики — сельском хозяйстве, многократно возросшая с освоением орошаемого земледелия и параллельно с развитием основных технических средств ремесла (гончарный круг, ткацкий станок, выплавка меди и железа, изготовление бронзы и стали, водоподъемные машины, алмазное сверло и мн. др.), в дальнейшем почти не растет, а иногда даже снижается. Так, в месопотамском сельском хозяйстве из-за истощения и засоления почвы более ценные культуры (пшеница) вытесняются менее ценными (ячмень). Рост нормы эксплуатации также упирается в свои естест-

венные пределы. Наконец, и последний резерв увеличения абсолютной величины прибавочного продукта — естественный прирост населения — тоже иссякает. В начале эпохи цивилизации этот прирост действительно был велик по сравнению с первобытной эпохой, и происходил процесс экстенсивного расселения людей, увеличения числа населенных пунктов. Однако выживаемость детей, по-видимому, останавливалась где-то около средней цифры два-три ребенка на одну женщину, т. е. примерно соответствовала норме, только-только достаточной для поддержания данной численности населения. Такому положению способствовала, во-первых, крайняя скученность населения городов, что при полном отсутствии общественной гигиены приводило к частым опустошающим эпидемиям и к эндемической высокой детской смертности; но эпидемии и детская смертность не могли не затрагивать также и сельское население. Фактором, стабилизирующим уровень народонаселения, были, во-вторых, периодические неурожаи и сопровождающий их голод; следует заметить, что на II тыс. до н. э., по-видимому, пал длительный засушливый период в истории климата земли.

Государствам приходилось искать дополнительные источники прибавочного продукта.

Ограбление соседей путем вооруженных набегов со взятием даней и угоном пленных для обращения их в рабов или илотов далеко не являлось новостью; этим занимались все государства тех пор как возникло классовое общество; однако исход такого рода войн слишком зависел от переменной военной удачи, а длительные успехи набегов в одном направлении приводили лишь к опустошению соседних стран и к иссяканию источников добычи (таким образом была, например, практически уничтожена ханаанейская цивилизация Палестины — не только нашествиями новых племен, но, еще до того, опустошительным владычеством фараонского Египта и даяниями ему).

Увеличение объема прибавочного продукта за счет внешних ресурсов было в принципе мыслимо и другим путем — путем увеличения численности рабочей силы. Добиться этого можно было, захватив новую территорию с людьми (так создавались крупные территориальные государства) либо захватив и угнав к себе рабочую силу. Угнанные превращались в рабов или илотов и различные другие категории подневольных работников.

Был, наконец, третий способ ограбления соседних стран — с помощью неэквивалентной торговли. В торговле, правда, прибавочный продукт, как известно, не создается, но зато через торговлю он перераспределяется. В ранней же древности, как правило, постоянно и равномерно функционировавшего международного рынка не существовало, и купцы, привозившие в страну товары, в которых она крайне нуждалась, но нормально не производила, могли заграбать совершенно баснословные монопольные прибыли. Речь здесь идет как о предметах роскоши (малоазиатском серебре, нубийском и индийском золоте, афганском лазурите, ливанском, т. е. финикийском, кедре, финикийских тканях, крашеных пурпуром), так и о предметах необходимости (медь, олово, железо, текстильные изделия — часть последних, впрочем, тоже относилась к предметам роскоши). Поэтому государство издревле старалось подчинить себе торговлю, часто путем захвата и разгрома торговых центров.

Других способов увеличения массы прибавочного продукта за счет внешних ресурсов придумано не было: либо прямое военное ограбление соседних стран, либо перекачивание из них рабочей силы, либо паразитирование на международной торговле. Разумеется, в мировом масштабе никакого увеличения прибавочного продукта из этого получиться не могло, так же как и прогресса производительных сил: в лучшем случае речь шла о перераспределении тех же самых производимых благ.

Создание империй было неосознанной попыткой совместить все эти три способа увеличения массы прибавочного продукта. Однако при их

возникновении вступили в действие и некоторые другие экономические процессы, поэтому создание империи оказалось неотделимым от всякого дальнейшего существования древнего общества.

Следует учесть характер регионального разделения труда в древности и соответственно некоторые существенные черты международного обмена. Этот вопрос был подробно исследован в работах Н. Б. Янковской, и мы в дальнейшем изложении будем опираться на ее данные. Если с точки зрения древнего господствующего класса речь шла об увеличении прибавочного продукта, то с точки зрения общества в целом речь должна была идти об обеспечении расширенного воспроизводства, без которого никакой прогресс производительных сил невозможен. Расширенное же воспроизводство требует определенного соотношения между подразделениями общественного производства — первым (производство средств производства) и вторым (производство средств потребления). Все области, охваченные древними цивилизациями, и смежные с ними можно рассматривать с точки зрения их роли в общественном разделении труда и принадлежности к первому или второму подразделению. А именно: основные земледельческие страны (они же чаще всего производители текстиля) с точки зрения общественного разделения труда принадлежали ко второму подразделению (средства потребления), в то время как области, производящие сырье, особенно рудное, а также скотоводческие районы принадлежали к первому подразделению (средства производства). На первый взгляд кажется странным, что скотоводческие районы мы считаем районами производства средств производства, а не средств потребления; и действительно, с точки зрения самих скотоводов, скот есть прежде всего средство пропитания. Но нам нужно подойти к этому вопросу не с точки зрения скотоводов, а с точки зрения хозяйства всего древнего общества в целом, общества в основном земледельческого. И тогда оказывается, что поставка в сельскохозяйственные области мяса и других предметов потребления, изготовленных из животной продукции, не является жизненно необходимой для расширенного воспроизводства, не говоря уже о том, что в оседлых странах древнего мира животные продукты никогда не относились к необходимым средствам существования. Во всех неочевых центрах этого времени основное питание трудящегося населения — как рабов, так и не рабов, — составляли зерновые продукты — хлеб и пиво с небольшим добавлением растительного масла, лука и чеснока. Потребности этой части населения в шерсти, а также льне и хлопке (например, в Индии) вполне могли удовлетворяться за счет внутренних ресурсов каждой страны. Скотоводческие же районы снабжали древнее общество в целом в основном тягловым и вьючным скотом и ремесленным сырьем — кожами, т. е. продукцией первого подразделения (средства производства).

Поэтому необходимо было не просто объединение трех способов ограбления соседей (путем простого разорения, путем захвата рабочей силы и путем захвата торговых центров и контроля над торговлей), но обязательное насильственное объединение в надлежащем соотношении областей первого и второго подразделений общественного производства (средств производства и средств потребления). Империи, которые, начиная с Новоассирийской (IX—VII вв. до н. э.), сменяют одна другую на территории древнего мира, должны были решать именно эту задачу.

Древние «мировые» державы

Империи, или так называемые «мировые» державы, принципиально отличались от крупных государственных объединений, размеры которых определялись лишь экономико-политическими нуждами унификации речного бассейна (Египет, Нижняя Месопотамия), или представляли собой конгломерат автономных политических единиц (азиатские владения Египта времени Нового царства, Хеттская, Митаннийская, Средне-Ассирий-

ская, Чжоуская, возможно, Ахейская держава). Разница заключалась во-первых, в том, что протяженность имперской территории была гораздо большей и не ограничивалась одной какой-либо, хотя бы и крупной, областью, части которой естественно тяготели друг к другу в силу тесных экономических, географических или племенных связей. Напротив, империи обязательно объединяли территории неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам, по своим географическим условиям, по этническому составу населения и культурным традициям. Эти неоднородные территории объединялись насильственно с целью обеспечить для более развитых стран второго подразделения принудительный обмен со странами первого подразделения, которые в этом обмене либо вовсе не нуждались, либо нуждались в нем не в такой мере и уж во всяком случае не в таких формах. Во-вторых, разница заключалась в том, что прежние крупные государственные объединения, хотя и стремились сжать в подчиненных областях своих ставленников, царских родичей и т. п., по в основном не нарушали традиционной структуры управления подчиненных стран; напротив, империи подразделялись на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции), все государство в целом управлялось из единого центра, а автономные единицы, если и сохранились в пределах империи, то имели совершенно второстепенное значение; империя стремилась низвести их на уровень своих обычных территориальных административных подразделений. При этом нередко граждане государства-завоевателя имели больше прав и экономических возможностей, чем подданные империи в завоеванных областях.

Само собой разумеется, что попытки завоевать соседние страны, расширить свои владения, увеличить число рабочей силы в стране, извлечь выгоду из международной торговли делали так или иначе все государства интересующего нас периода. Однако не всякое государство могло создать империю. Поскольку создание империй было прежде всего в интересах высокоразвитых сельскохозяйственных цивилизаций (второго подразделения), можно было бы думать, что они именно и окажутся создателями империй. Но это не так. Создателями империй каждый раз оказывались государства, обладавшие наилучшими армиями (скорее с точки зрения их вооружения и обучения, чем численности, потому что первые успехи всегда давали необходимое новое пополнение в армию победителей); немало важным было и стратегическое положение государства и его армии. Так, Ассирия, создавшая первую «мировую» империю, была чрезвычайно выгодно расположена в стратегическом отношении: целый ряд наиболее важных транспортных путей Передней Азии (по Евфрату, Тигру, поперек Верхней Месопотамии, через перевалы в сторону Иранского и Армянского нагорий) проходили либо прямо через Ассирию, либо настолько близко, что могли при прочих равных условиях быть легче захвачены Ассирией, чем любым другим государством, равным ей по численности населения и размерам первоначальной территории.

Империю как огромную машину для ограбления множества соседних народов не могла быть устойчивым образованием, так как, что бы ни думали на эту тему цари и их идеологи, дело, как мы уже видели, было не в том, чтобы увеличить массу прибавочного продукта в завоевываемом государстве за счет перераспределения его между бывшим господствующим классом завоеванных стран и господствующим классом завоевываемой страны: это не обеспечивало расширенного воспроизводства и развития производительных сил. По мере роста государственного механизма и потребностей господствующего класса завоевываемого государства увеличивались общие потери, которые наносились завоевателями древнему обществу в целом. Грабительская политика империи вступала в противоречие с потребностями нормального разделения труда между охваченными ею областями; торговые пути вскоре же переносились за пределы империи (так, центром средиземноморской торговли вместо прибрежных,

Библа и Сидона стал сначала островной Тир, а затем греческие города и Карфаген, отрезанные громадным морским пространством от пределов восточных империй).

Чем больше вырастала империя, тем менее она оказывалась стабильной, но вслед за падением одной империи сейчас же возникала другая. Это объясняется тем, что принудительная организация обмена между областями первого и второго подразделений общественного производства оставалась для древнего общества жизненной необходимостью до самого конца его существования. В целом же устойчивость империи зависела от того, насколько удачным (в экономическом и географическом отношении) было сочетание входящих в нее элементов. Наиболее удачной в этом смысле была Римская империя: ее составные части довольно хорошо дополняли друг друга экономически, и она охватывала весь бассейн Средиземного моря, что делало невозможным перенос основных торговых путей за ее пределы.

Относительно скоро выяснилось, что для империи, — помимо армии и общеимперской администрации, способных организовать принудительный обмен в пределах огромного государства, но игравших, в смысле развития производства, если не совершенно негативную, то по крайней мере двусмысленную роль, — необходим был еще иной механизм. Этот механизм должен был обеспечить реальное функционирование расширенного рабовладельческого производства, и при этом быть гарантированным от произвольного царского вмешательства. Механизм этот вырабатывался весьма постепенно, встречая на первых порах решительное противодействие со стороны царской армии и администрации, которые видели в его возникновении подрыв монопольного единства империи; тем не менее он возник и развивался, при этом во вполне определенном направлении во всех империях древнего мира. Этим механизмом являлась система внутренне независимых, самоуправляющихся городов. В Месопотамии путь к возникновению таких городов был вкратце следующим. Еще в раннединастическом периоде (III тыс. до н. э.) правители, опираясь на народное собрание, все более ограничивают власть совета старейшин и укрепляют свою личную власть. Заметим, что сходные процессы имели место позднее в Греции (установление тирании и попытки переворотов в Спарте), а также в Риме (личная диктатура, а затем императорская власть). Но затем в крупных территориальных государствах Месопотамии важнейшие города получают привилегии, делающие их в значительной степени независимыми от царской власти. В таких городах вновь выходит на передний план совет старейшин во главе с градоправителем. Между городами и центральной властью все время идет борьба вокруг получения привилегий и их объема. Не случайно столицами территориальных государств были, как правило, незначительные или вновь построенные города: здесь не было влиятельной знати (знать служила полностью зависела от царя), а также жречества особо чтимых храмов, тоже очень влиятельного. В результате такого развития в первой половине I тыс. до н. э. привилегированные города Месопотамии стали очень похожи во многих отношениях на античные полисы. Именно поэтому они так легко включались в политико-экономические структуры эллинизма, а затем и Римской империи. Если земледельческая территория за пределами городов в результате имперских завоеваний вся целиком вошла, как правило, в состав государственного сектора, а ее население постепенно низводилось до уровня класса подневольных людей рабского типа, то самоуправляющиеся города, существование которых, как выяснилось, было жизненно необходимо для самих империй, представляли теперь общинно-частный сектор, получивший в странах независимо от их пути развития на древнем этапе большее экономическое и политическое значение, чем когда-либо раньше. Эти города тем более процветали, что в обширных пределах империи, как правило, ничто не ме-

шало торговому обмену между областями обоих подразделений общественного производства.

Правители империй проводили целенаправленную политику создания городов не просто как торгово-ремесленных или военных центров, но и как коллективов граждан, обладавших известным самоуправлением, хотя и под контролем центральной власти. Только граждане таких городов были полноправными свободными людьми в рамках данного государства. Союз царской власти и городов был в целом выгоден обеим сторонам, во всяком случае до тех пор, пока это самоуправление обеспечивало реальные привилегии гражданам и, в частности, возможность присваивать долю прибавочного продукта, производимого сельскими жителями.

Параллельно с увеличением числа самоуправляющихся коллективов в мировых державах шел процесс роста центрального аппарата управления. Существование такого аппарата было необходимо, однако чрезмерное его усиление, увеличение числа чиновников могло привести и приводило (например, в Китае в конце империи Цинь, в Египте во II—I вв. до н. э.) к тому, что он превращался в самодовлеющую силу, поглощал основной прибавочный продукт, производимый трудящимися, что в свою очередь приводило к хозяйственному упадку и обострению социальной борьбы.

Таким образом, в самой структуре управления мировых держав были заключены противоречивые тенденции, что также порождало их неустойчивость (наиболее устойчивой мировой державой оказалось, как уже отмечено, Римское государство, сумевшее на протяжении ряда веков успешно сочетать ограниченное местное самоуправление с централизованным бюрократическим аппаратом).

Полис и возникновение античного пути развития

Описанный процесс постепенно охватил все классовые цивилизации древнего мира независимо от пути развития; в нем сыграли свою роль и общества первого пути (сосуществование двух секторов при преобладании государственного — Вавилония и Элам), и общества второго пути (полное преобладание государственного сектора — Египет); аналогичный процесс, — правда, несколько позже, уже за пределами рассматриваемого сейчас периода — происходил и в Индии, и в Китае — обществах, классификация которых по их характерным путям развития еще не проведена, а также в странах третьего пути развития. Разница между отдельными путями развития в этот момент в значительной мере теряет свою резкость, так как особые государственные хозяйства как таковые почти повсюду прекратили свое существование, и типичными везде оказываются сравнительно небольшие частные, в том числе частные рабовладельческие, хозяйства как на государственной, так и на общинно-частной земле. Различие между секторами сказывается лишь в том, что государство гораздо легче могло вмешиваться в экономическую деятельность хозяйственных единиц, расположенных на царской земле, вплоть до полного их подчинения и низведения владельцев земли до уровня лиц, лишенных всяческой собственности на средства производства и эксплуатируемых внеэкономическим путем, — т. е. государство могло обратиться их из представителей среднего в представителей низшего, эксплуатируемого класса. И это несмотря даже на то обстоятельство, что сельские хозяйства и на государственной земле с исчезновением собственно государственных хозяйств непременно рано или поздно организуются в общины, потому что сельское хозяйство не могло в древности существовать без той или иной формы кооперации. Но сами эти общины, возникающие на государственной земле, используются как средство эксплуатации царских людей.

Существенные различия между первоначальными тремя путями развития на втором этапе истории древнего общества в пределах империй в зна-

чительной мере стираются еще и по следующим причинам. Сам ход им перских завоеваний, при которых неизбежно уничтожаются местные, традиционные органы управления, как государственные, так и общинные, а заменяются единообразной имперской администрацией, — приводит к тому, что большинство земель в пределах империи переходит в собственность государства. Люди же, сидевшие на этих землях, независимо от того, были ли они общинниками или царскими людьми, становятся государственными и подневольными. Тем не менее в той или иной форме, в той или иной степени повсюду сохраняются очаги самоуправляющихся общинных организаций — в виде городов, храмов, автономных племен и т. п. Таким образом, все общества в пределах империй становятся похожими на ранние общества первого пути (например, нижнемесопотамские) с тем отличием, что ранее город был центром государственного сектора, а в деревне сохранялся и общинно-частный сектор, а теперь, напротив, общинно-частный сектор чаще всего существует в городах, а в деревне почти безраздельно господствует государственный сектор. Самые формы государственности — монархия во главе с обожествляемым деспотом — нередко ведут свое происхождение из Вавилонии, из Египта и т. п.

Из этого процесса создания империй (который нельзя назвать специфически «восточным», потому что в нем в конце концов принял участие и европейский Запад), на некоторое время выпадает один регион древнего мира, а именно побережье Средиземного моря и прежде всего греческие города, как на европейском материке, так и на берегах Малой Азии и на островах. Здесь — и притом впервые только на втором этапе развития древнего общества — возникает особый, античный путь развития. Общества, пошедшие по этому пути, на ранней стадии принадлежали первоначально к числу обществ третьего пути развития, при котором общинно-частный сектор сосуществовал с государственным. Однако в результате ряда исторических событий и явлений здесь, при падении микенской (ахейской) цивилизации и в ходе последующих разрушительных войн и миграций, в большинстве случаев был вообще сметен и уничтожен государственный сектор хозяйства¹, т. е. произошло в более тотальном масштабе нечто, сходное с тем, что было в Нижней Месопотамии при падении III династии Ура и, по-видимому, в долине Инда при гибели протоиндской цивилизации.

В Греции новые государства стали возникать именно как города-государства, и только. Государственному хозяйству тут было возрождаться незачем: в эпоху развитого бронзового и железного века оно не могло иметь никакой общественно полезной функции, и этим греческий город-государство отличался от «номового» государства Передней Азии. Новые государства-города складывались практически в рамках только общинно-частного сектора и управлялись вполне успешно общинными органами самоуправления — народным собранием, советом и некоторыми выборными должностными лицами. Не то чтобы государственного сектора совсем не было — в него входили рудники, неразделенные пастбища и запасный земельный фонд, — но не было никаких причин, почему эти имущества не могли бы управляться теми же органами городского общинного самоуправления. Такие города-государства обозначаются как полисы. Здесь возник особый тип древней собственности — полисная собственность; суть ее заключалась в том, что осуществлять право собственности на средства производства, прежде всего на землю, могли только полно-

¹ Однако в некоторых более отсталых государствах, например в Спарте, наоборот, образовался, как в Египте, только государственный сектор — правда, без государственного хозяйства и с частным использованием государственными илотами, но это, как мы знаем теперь, характерно и для Египта, начиная со Среднего царства, и отчасти для Хеттской и других переднеазиатских держав II тыс. до н. э.

правные члены города-общины; помимо права на свою частную землю, рабов и другие средства производства граждане полиса имели также право участвовать в самоуправлении и во всех доходах полиса. В социально-психологическом плане чрезвычайно важно, что ни в одной прежней общине других типов не было так сильно чувство солидарности ее членов, как именно в полисе; полисная солидарность была одновременно и правом, и обязанностью граждан вплоть до того, что они в массовом порядке, не на словах, а на деле (как о том свидетельствуют сохранившиеся исторические известия) ставили интересы полиса выше личных или узко-семейных; даже налог трудом — трудовая повинность (литургия) выступала как почетная обязанность, которую знатные и богатые роды могли принимать на свой счет. В то же время нуждающиеся члены полиса имели право рассчитывать на полное содержание со стороны коллектива своих сограждан. В так называемых «восточных» общинах (точнее в общинах ранней древности) обедневшие их члены могли рассчитывать на некоторую, чаще всего небескорыстную помощь своих однообщинников; если они разорялись вовсе, то шли в долговое рабство, в бродячие шайки изгоев-*халипу*, а чаще всего — в царские люди, так как царское хозяйство при своей обширности способно было поглотить почти неограниченное количество рабочей силы. В полисах же беднота — так называемый античный пролетариат, или люмпен-пролетариат, — могла жить за счет полиса. Мощь полисной солидарности и взаимопомощи была столь велика, что греческие полисам, в отличие от царя Хаммурапи, удалось сломить ростовщичество и полностью уничтожить долговое рабство.

Ясно, что побороть ростовщичество и принять на себя прокормление бедноты могли лишь достаточно богатые города-государства, и мало того, что они должны были быть богаты, они должны были обладать достаточной степенью товарности производства, чтобы не было массовой необходимости в ростовщическом кредите. Попытаемся пояснить, что это значит.

Вспомним, что в эпоху ранней древности в результате разделения труда между земледельцами и скотоводами, между земледельцами и ремесленниками, наконец, между земледельцами, возделывающими разные культуры, возникла потребность во внутриобщинном обмене, а при этом рост имущественного расслоения вел к тому, что у индивидуального земледельца могло не хватить зерна для посева. При натуральном характере обмена и сезонном характере производства значительная часть таких обменных сделок совершалась в кредит, а кредит давался под условием роста. На этой почве и развилось восточное ростовщичество II тыс. до н. э., которое разрушало общественную экономику и тормозило ее развитие. Возможность избежать ростовщического кредита при внутриобщинном обмене появилась лишь там, где производство работало на рынок и, стало быть, производитель мог в любое время иметь наличные деньги — не обязательно в монетной форме: деньгами мог быть весовой металл (серебро, медь и др.), хлеб, скот и различные другие товары.

Таким образом, предпосылкой прекращения ростовщической практики² было наличие товарного рынка³. И действительно, греческие города-государства, в отличие от государств ранней древности, уже располагали обширным международным рынком как для своих собственных, так и для

² Речь идет, конечно, о кредите в сельском хозяйстве и свободном ремесле; в торговле кредит, разумеется, сохранялся и приобретал достаточно развитые и сложные формы.

³ Надо сказать, впрочем, что и в странах Ближнего Востока I тыс. до н. э. ростовщичество, хотя оно и не вовсе исчезло, играло весьма ограниченную роль по сравнению с былым временем. Это и здесь отчасти объяснялось ростом товарности производства, особенно в городах; отчасти же это, возможно, следует объяснить защитой царских людей, осуществлявшейся государственной властью в своих интересах; администрация могла при надобности совершать различные выдачи им в расчете на получение значительной части их труда. Вопрос этот пока недостаточно исследован.

транзитных товаров. Такими рынками были империи и царства Малой и Передней Азии и Северной Африки, а также так называемая «варварская» периферия, т. е. племена, окружавшие Средиземное и Черное моря. Уже достигнув железного века, они в силу начавшегося мощного роста производительных сил стояли на пороге классового общества и начинали производить избыток продукта для международного обмена.

То обстоятельство, что хозяйства полисных граждан носили в значительной мере товарный характер (работали на рынок), обуславливало специфический характер этих хозяйств. В эпоху ранней древности, как мы знаем, общинники были вынуждены держаться большесемейными объединениями, так что отчленившаяся индивидуальная семья либо погибала, либо снова вырастала в большесемейную организацию. В полисе индивидуальное хозяйство, работая на рынок, могло быть вполне жизнеспособным, а если оно все же разорялось, то могло рассчитывать на государственную поддержку (государство же в условиях полиса непосредственно совпадало с территориальной общиной или слитным комплексом таких общин).

Это положение имело огромные социально-психологические последствия, оказавшие влияние на более чем сотню поколений. Коллективизм, его гражданская солидарность, как оказалось, превосходно уживались с индивидуализмом, с высокой ценностью личности. Именно это сочетание позволило на той неразвитой базе, какую лишь недавно являло собой мировоззрение и мироощущение греков на раннем этапе классового общества, т. е. на базе мифологического мировоззрения, за исторически короткий срок выработать критическую философскую и научную мысль, авторское искусство и литературу, философскую этику и технику строго логического мышления. В конце рассматриваемого периода стоит удивительная фигура Аристотеля, одного из величайших мыслителей всех времен; даже средневековое превращение некоторых его гипотез в догму не могло уничтожить огромного влияния Аристотеля на всю науку человечества вплоть до сего дня и прежде всего на научную логику. Все это сосуществовало с весьма архаичными общинными культурами и религиозной мифологией.

В условиях полиса выработались и совершенно своеобразные государственные формы. И в ранней древности известны были кое-где республиканские формы управления, где главы государств (или группы лиц, игравшие эту роль) были подотчетны коллективным органам управления и могли быть ими назначены или низложены. Но там, отчасти под влиянием объективных условий, отчасти под прямым идеологическим воздействием, шедшим из экономически передовых стран, имевших тогда деспотическую форму государственного устройства, республики редко выживали достаточно долго, чтобы оказать существенное воздействие на историю человечества. Напротив, в мире полисов — в древних обществах античного пути развития — республиканские формы государственного управления были явлением типичным. Различие между полисными «конституциями» заключалось лишь в том, все ли граждане полиса допускались к той или иной степени участия в государственном управлении, или право участия в нем было ограничено. Вначале в новообразующихся полисах задавали тон главы наиболее почитаемых, знатных родов — аристократия; но вскоре после падения господства ростовщичества главная роль переходит к народному собранию, где были представлены все граждане полиса; нередко такого характера демократии временно выдвигали единоличных неограниченных правителей либо из своих рядов, либо из рядов того или иного знатного рода, к которому почему-либо народ благоволил. Но чаще всего подлинно активное участие в политических делах было в республике ограничено имущественным цензом, что естественно для общества, в котором деньги начали играть столь большую роль.

Подобно тому как в странах, лежащих к востоку от Греции, государственное устройство экономически передовых стран (деспотия) перени-

малось остальными, так и в регионе Средиземноморья республиканские формы государственного управления перенимались и там, где не было той предыстории, которая обусловила создание ведущих греческих полисов. Они распространились даже на государства с совсем иным политико-экономическим строем, например, Спарту, экономически более напоминающую Египет, чем соседний Коринф или Афины.

Как ни важен был полис для всего дальнейшего развития человечества, в описанном нами виде, однако, он просуществовал недолго: возможности развития в замкнутых пределах городов-государств были ограничены, а возможности частного международного обмена были тоже ограничены и в случае самостоятельности полисов не могли к тому же быть достаточно защищены теми незначительными военными силами, какими могло располагать полисное государство. Так же как в империях дальнейшее развитие оказалось невозможным без совмещения их с системой зависимых, но самоуправляющихся городов, способных обеспечить расширенное воспроизводство, так и самоуправляющиеся, но независимые полисы не могли далее развиваться без помощи такой империи, которая, охватив их, создавала бы для них надежность международного торгового обмена. В составе эллинистических государств и Римской империи полисы, утратив политическую самостоятельность, утрачивают тем самым и основное свое отличие от привилегированных городов Востока. И те, и другие исчезают или по крайней мере утрачивают свои традиционные структуры повсеместно — от Рима до Китая — в результате создания магнатских имений с чертами автаркичности, где магнат все более приобретает черты государя, а товарное хозяйство хиреет, т. е. в период феодализации. Параллельно этому начинается распад таких империй, как Ханьская и Римская, доживших до своего естественного конца. Такой естественный конец неизбежно наступает рано или поздно в связи с выравниванием экономических условий в различных частях империи. Тогда эти части перестают быть дополняющими друг друга партнерами, пусть даже и невольными, а превращаются в соперников. Империя тем самым утрачивает экономический смысл.

«NOME STATES», «TERRITORIAL KINGDOMS»,
«POLEIS» AND «EMPIRES».
A STUDY IN TYPOLOGY

I. M. Diakonoff, V. A. Jakobson

Problems of the emergence and interrelation of the different types of ancient states are discussed. The primary states were always small and had definite natural limits (river basin, irrigation area of a main canal, valley, island). Such a primary state we shall conventionally call a «nome», or a «nome state». Its centre was a town (or city), defined as a point of concentration, redistribution and consumption or sale of the surplus produce (definition suggested by O. G. Bolshakov and V. A. Jakobson).

The emerging class society could then continue its development along different specific lines. The first way (Sumer being the typical representative) is characterized by the existence of two economic sectors, one being the temple and state sector, the other the private and community sector. The second way is typified by Egypt, where unusual geographic conditions led to the very early creation of a centralized state, with the economy of the country almost completely dominated by the state sector. The third way, typical of countries with rainfall agriculture, was characterized by the predominance of the private and community sector over the state and temple one.

The Graeco-Roman way is one of the varieties of the third way of development, branching off as a separate subtype at a comparatively late date. Its prerequisites were the total destruction of the temple and state sector, as at the downfall of the Mycenaean culture, and an already high level of development of international exchange; this brought

about the creation of private economies producing commodities for the market and of the typical polis structure of the community-state, with all the features peculiar to this kind of state.

The first emergence of civilized societies was connected with a rapid advance in the development of productive forces; however there was a limit to this process, and at a certain point discussed in the paper the level of the productivity of labour no longer continued to rise and was even apt to fall. At the same time the demand for surplus produce was steadily growing. This contradiction could be, if not quite solved, then at least weakened in three ways: either by plundering one's neighbours or by forced extension of the states territory and of the size of its population (thus the «nome states» became «territorial kingdoms», mostly with a rather loose structure), or by non-equivalent international trade (for this it was indispensable to seize by force the trade routes and centres, and to put down competitors). It is the «empires» that unite all three methods, at the same time they tend to include into their territory regions which, from the economic standpoint, mutually complement each other. The more favourable was the combination of the constituent economic elements, the more stable was the empire.

The classical Graeco — Roman way of development and the polis type of property led to the creation of very specific economic and political structures based on commodity-oriented production, strong civic solidarity and a republican form of government. However the independence of a polis could not be stable for long. Once they were included into the Hellenistic empires, and later into the Roman empire, the poleis lost their political freedom, which was the main feature distinguishing them from Oriental self-governing cities.

As to the empires, their «natural death» occurred as the result of the inevitable levelling off of the economic conditions in their different parts. Instead of being partners (though unwilling) these parts now became competitors and this led to the disintegration of the empire in question.